

“Я ЕЩЕ РАСТУ”

— Редкий случай, когда отец — слесарь, мать — диспетчер, а сын — гениальный певец или актер. Обычно все следует своим корням. То, что со мной происходит, не случайно. У меня артистическая семья. С мамини стороны потомственные цирковые артисты — семья Манион. Со стороны отца — оперные певцы. Моя тетя — известная певица Софийской народной оперы.

— Поэтому вы тоже решили стать певцом?

— Нет, мое решение связано с другим человеком.

В то время мы подолгу жили в Болгарии. Я помню 1975 год. Лето. Варна. Проходит фестиваль “Золотой Орфей”. Алла Пугачева поет “Арлекино”. Отец говорит: “Эта девочка получит Гран-при”. Так и случилось. Пугачева была абсолютным лидером. И до сих пор те, кто проводит этот фестиваль, говорят, что более яркого Гран-при ни до, ни после нее не было.

Я увидел Аллу, влюбился в нее и сказал родителям, что хочу петь, хочу быть Арлекино. Мне было тогда семь лет.

В мои одиннадцать мы познакомились — отец представил меня Алле. С того момента она наблюдает за мной. Еще ее мама Зинаида Архиповна говорила: “Аллочка, возьми Филиппчика в свой театр”. Алла ответила: “Подрастет — возьми”.

Я подросток. Окончил с золотой медалью школу, поступил в музыкальное училище имени Гнесиных. Как-то попал на вернисаж Ильи Резника, где впервые уже на профессиональной сцене встретился с Аллой Пугачевой. Она сказала:

поехали со мной на гастроли. А я отказался — госэкзамены надо сдавать в училище. Думал, все — больше не позовет, уехал с концертами в Болгарию, в Монголию, вернулся в ноябре, и тут Алла пригласила меня на свои первые “Рождественские встречи”. 88-й год. У нее под крылом мне было очень хорошо.

— Пугачева была вашим наставником, советчиком?

— Она меня постоянно ругала. Не то спел, не так себя вел. Я ее просил: хоть когда-нибудь скажите, что хорошо. Она в ответ: “Не дожدهшься. Никогда”. Все, что ей не нравится, я исправляю тут же. У нее суперпрофессиональный взгляд, я очень благодарен ей за науку, за тумак.

— Алла обиделась на вас, когда вы ушли из ее Театра песни?

— В беседе с журналистами я сказал: Театр Пугачевой — это мои университеты, моя школа. Я окончил ее. Но журналисты перековеркали мои слова, приписав мне: “Я вырос из коротких штанишек и потому ушел из театра”. Алла, естественно, обиделась.

— Филипп, жизнь звезды всегда окружена легендами. Гастроли, страсти, яркие женщины...

— Да, и это. Я люблю женщин с экзотической красотой. Мне нравится Азия. Или полная ее противоположность, но необыкновенно хороша — Наташа Ветлицкая.

— А Маша Распутина?

— Заявлю раз и навсегда. У меня ничего нет общего с Машей Распутиной. Я никогда не был на ней женат.

— А какую вы хотели бы встретить женщину?

— Как моя мать. Красивую, заботливую, умную. Таких мало. Они редко встречаются. Но отец же нашел, и я найду. Пока я один.

— Но откуда тогда “Сын и дочь”? Вы настолько убедительны в этой песне.

— Это тоже от Аллы Борисовны — говорить о себе в песнях. Но это уже моя личная жизнь — не отдам никому.

— Вы капризный гастролер?

— Мои капризы не такого рода, что я хочу есть на золотых приборах и шелковой скатерти. Но я прошу, чтобы организатор моих гастролей фирма “Ангажемент” всегда обеспечивала, скажем, домашнюю пищу. Я люблю пельмени, вареники, картошечку. Люблю жить в спокойном, тихом месте, уединенно, стало быть, не в гостинице, а в коттедже за городом, на даче. И потом у меня проблема: я постоянно расту. Я не вещаюсь в обыкновенные машины. Мне подходит только “Чайка” или “Линкольн”. Езжу в них из-за роста, а не потому, что Фил Киркоров такой крутой. Сейчас мне 26 лет. Во мне 1 метр 99 сантиметров.

— Ногги растут?

— Все растет, пропорционально. Все части тела.

— Самая частая причина плохого настроения?

— Халатность людей, с которыми я работаю. Во-первых, Во-вторых, ненавижу лицемерие, ложь. Даже когда она святая — для моей пользы. Не люблю в жизни театр, мне уже достаточно лет, я научился отличать искреннюю улыбку от

деланной. Поверьте, в быту я нормальный человек. Но когда встречаюсь со жлобством, хамством, тогда включается сценический вариант Филиппа Киркорова и... летают стаканы, тарелки, подушки.

— Как вы предпочитаете расставаться с людьми?

— Стараюсь мирно. Но получается в основном бурно, со скандалами.

— А с дамами?

— По-джентльменски...

Впрочем, когда как, если честно. Но, правда, не так уж часто я расстаюсь с дамами. Я не ловелас, не Дон Жуан.

— Филипп, вы потеряете многих поклонниц.

— Почему? Наоборот. Что такое Дон Жуан? Сегодня — здесь, завтра — там. И бах — СПИД. А я не приемлю противозачаточные средства, неестественно. И удовольствия не дает никакого.

— Вам нравятся брюнетки, экзотические женщины. А что вы пьете?

— Колу. И ничего мне другого не надо.

— Трезбенник?

— Нет уж если очень хорошая компания и хорошее настроение, ликерчику

можно выпить. Или водочки, но смирновской. А от шампанского живот болит.

— А вы сладкоежка?

— Да. Очень люблю мармелад. Такие раньше коробочки были “Лимонные дольки”. И еще — очень — сосательные конфеты “Барбарис”.

А вообще я обожаю “Макдональдс”. Я туда могу ходить каждый день по три раза. Нравится их картошка. Этот их бутерброд, коктейльчик из клубнички, мороженое обожаю. А шоколад только белый. Таблерон, с орешками. Еще помните, были такие монпансье в коробочках. Их еще сначала надо расколотить. Ножом.

— А торты?

— Да, “Птичье молоко” и “Наполеон”. Только домашний. И “Птичье молоко” как в Прибалтике — воздушное.

— К мясу вы плохо относитесь. Вегетарианец?

— Рыбку люблю. Хорошую.

— А косточки мама выбирает?

— Угадали.

Татьяна ЧЕРНОВА.
Фото Бориса СЛОНИМСКОГО.